

Максим Горький

Монархист

Заметки из дневника. Воспоминания

Максим Горький

Монархист

«Public Domain»

1923

Горький М.

Монархист / М. Горький — «Public Domain», 1923 — (Заметки из дневника. Воспоминания)

«В восьмидесятых годах по улицам Нижнего Новгорода ходил, с ящиком на груди, остроглазый парень, взывая негромко, вопросительно и как-то особенно назойливо:— Крестики нательные, поминаньца, шпилечки, булавки?..»

Максим Горький Монархист

В восьмидесятых годах по улицам Нижнего Новгорода ходил, с ящиком на груди, остроглазый парень, взывая негромко, вопросительно и как-то особенно назойливо:

– Крестики нательные, поминаньица, шпилечки, булавки?

Часто встречая его, я заметил, что парень этот склонен к озорству: избрав какого-нибудь прохожего, он неотвязно шёл сзади его, заходил сбоку и навязчиво выпевал:

– Крестики нательные, поминаньица?

Прохожий сердито отмахивался, иногда – ругался, а торговец, обогнав его, шёл уже навстречу и, угодливо заглядывая в глаза раздражённого человека, снова предлагал ему крестики. Мне думалось, что этот парень ищет скандала, хочет, чтоб его толкнули, ударили, и почему-то я воображал, что торговля – дело не его души и что, наверное, он занимается ещё чем-то более интересным, а может быть, и более опасным.

И я был несколько разочарован, когда парень этот поставил «ларёк» в углублении церковной стены на бойкой Рождественской улице и стал торговать календарями и «листовками» Сытина, а через малое время ларёк его вырос в лавку, с вывеской над нею:

«Книжная торговля В. Бреева».

Затем явилась в Нижнем розовенькая книжонка «Житие старца Федора Кузьмича». На обложке книги этой красовался портрет очень высокого, лысого старика с огромной бородою, а под ногами его напечатано:

Издание В. И. Бреева.

Я узнал, что книжка эта создавалась при таких условиях: в трактире «Грачи» какой-то странник рассказывал легенду о таинственном сибирском отшельнике, Бреев тотчас же предложил «босяку» Терентьеву, бывшему учителю, написать «за целковый» житие старца. Оказалось, что Терентьев кое-что уже слышал о Фёдоре Кузьмиче, и ему удалось сочинить довольно занятное «житие»; оно разошлось в десятках тысяч экземпляров по всей Волге и по Оке, и Бреев хорошо заработал на нём.

Когда вышли первые книжки моих рассказов, Бреев явился ко мне, скромно, но солидно одетый в мохнатенький синий пиджачок, с тяжёлыми серебряными часами в кармане жилета, с цепью «фальшивого золота» на груди и в новых скрипучих сапогах. От него сильно пахло ваксой, душистым мылом, он сиял улыбками и вдохновенно, негромко говорил:

– Позвольте изложить мечту сердца! Для прославления древнего нашего города и желая принести посильную пользу истории государства, затеял я издание сочинений небольшого размера о знаменитых земляках наших, как то: Козьме Минине, патриархе Никоне, Аввакуме-протопопе, о Кулибине, Милии Балакиреве, господине Боборькине, о Добролюбове, конечно, а также о Мельникове-Печёрском и всех прочих талантах земли Нижегородской. Окажите делу этому литературную помощь...

Говорил он вполголоса, как бы «по секрету», гладко, надуманно и весь трепетал: двигал ногами, размахивал стареньким платочком, хватал меня за колени и вдруг, сунув руки в карманы, бряцал там чем-то, как медью лошадиной сбруи, потом отирал лицо ладонями, точно

магометанин на молитве. Казалось, что он страдает кожной болезнью и всё тело его нестерпимо чешется.

Было в нём что-то мохнатенькое, смешное, но почти приятное, эдакая русская, на всё готовая бойкость. Его скуластое лицо украшалось на подбородке нерешительным клочком бесцветных волос, клочок этот конфузливо загибался к шее, как будто желая врасти в кадык концами волос. Волосы усов торчали колко, точно усики ячменного колоса, так же щетинисто и напряжённо торчали они в бровях. Глядя на Бреева, я подумал:

«Вот таких и зовут «ежова голова».

Очень необычны были его глаза, – круглые, голые, зеленоватого цвета, они вдохновенно сияли, испуская щекочущие лучики или, вернее, пыль мелких искр. Казалось – вот сейчас они вспыхнут и на месте их останутся чёрные ямы.

Когда я отказал ему в «литературной помощи», он пронзительно высморкался, вздохнул и продолжал, не угашая вдохновения:

– Тогда – позвольте сделать другое предложение, более лёгкое для вас.

Встал и, точно стихи читая, проговорил в два удара:

– Интересность необыкновенной вашей жизни и новое её начало – чистые денежки! И ежели вы согласны написать вашу автоисторию за пятьдесят рубликов, то я – вот он! – издатель вам!

Написать «автоисторию» я тоже отказался, но это не помешало Брееву издать составленную кем-то глупую книжонку, нечто вроде моей биографии. Издателю пригрозили судом, если он не уничтожит эту книжку.

– Поверьте сердцу земляка, – оправдывался Бреев, смешно подпрыгивая, – не из жадности к деньгам – что есть деньги? – а только из патриотического взрыва чувств решился я обойти вашу скромность.

В 905 году мне сообщили, что В. И. Бреев избран председателем нижегородского отдела «Союза русского народа» и весьма энергично борется с крамолой, укрепляя самодержавие.

Затем, кажется, в 910 году, Бреев прислал мне на остров Капри письмо, в котором, воспевая доброту и великодушие царя Николая, убеждал меня покаяться во грехах и просить разрешения вернуться в Россию. Письмо было написано очень забавно и не рассердило меня. Я даже ответил Брееву, что эмигрантом себя не считаю, могу вернуться в Россию когда захочу, не испрашивая никаких разрешений, и прибавил к этому характеристику самодержавия; ответ мой был кем-то напечатан в «Манчестер гардиэн» под заголовком «Письмо к монархисту».

В 14 году, возвратясь в Россию, я узнал, что Бреев куда-то уехал из Нижнего, а в 17-ом, светлым днём мая, меня вызвали к телефону, и я услышал взволнованный голос:

– У телефона – Бреев, Василий Иванович Бреев – помните? Мечтатель нижегородский?

Через час он вертелся на стуле предо мной, брызгая во все стороны быстрыми словами, такой же мохнатенький и забавный, каким был двадцать лет тому назад. Только ежовые волосики его стали мягче, потеряли свою колючесть, он подстриг сконфуженно изогнутую бородку и растрёпанные усы, лишь брови его, как раньше, напоминали мне плавники молодого ерша. И так же, как раньше, молодо, бойко сияли зеленоватые глаза, сея пыль острых искр. Он был одет в какую-то толстую материю дымного цвета, в галстук его сверкал бриллиант, на пальце левой руки – крупный рубин в золотом перстне, а в общем это был всё тот же возбуждённый человек, точно страдающий чесоткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.